Второй этап — «старая бабушка» — наступает после того, как внук достигает 10-11 лет, бабушке обычно 56-62 года.

В этой группе отмечено 100 бабушек, что составило 41,5%.

Появляется новый вид общения с внуками, более равноправный. Если она имеет нескольких внуков, то часто остается в группе «молодых» до тех пор, пока младшему не исполнится 10-11 лет.

Выход на пенсию, особенно в небольшом городе, оказывает влияние на характер отношений с внуком, и часть «обычных» бабушек, преимущественно со средним образованием, переходит в категорию «активных». Некоторые же на этом этапе отдаляются, как правило, это женщины, имеющие более высокий уровень образования. Те, кто с первого этапа занимал позицию «отдаленной» или «увлеченной» бабушки, редко ее изменяют при сохранении условий проживания.

Если «молодую» бабушку больше волнует здоровье внука, то у «старой» появляются тревоги и опасения в отношении его образования, выбора будущей профессии, друзей, любимых, будущего в целом. На этой стадии уже не имеет особого значения, от кого внуки — от дочери или сына. Она больше, чем молодая бабушка, заинтересована в сохранении семейных традиций, ценностей и в этом видит свою основную роль в семье.

Третий этап — «пожилая женщина», «старая женщина» — в нашей выборке составили 13,5%, начинается после достижения внуками 18-летнего возраста, когда у взрослых детей и выросших внуков появляются обязанности по отношению к старшим членам семьи, которые сами теперь нуждаются в помощи и уходе в связи с ухудшением здоровья. На этой стадии происходит «переворот» ролей — меняется баланс независимости и автономии всех членов семьи.

Таким образом, этапы прародительства зависят от возраста внуков, социального статуса пожилых женщин и состояния их здоровья. Основной вывод исследования заключается в том, что вклад старшего поколения в семейную жизнь и спектр ролей зависят не только от возраста, образования, условий проживания пожилого человека и видов родственных связей, но также от социальных и личностных норм его жизни, от общественных потребностей и ожиданий.

Представления пожилых женщин о своем ролевом поведении сходны с представлениями других половозрастных групп. Поэтому все выделенные типы бабушек вполне отвечают ожиданиям общества. Однако решение, к какому именно типу примкнет та или иная бабушка, опосредовано личностными факторами, личными нормами бабушек.

Анализ подходов к рассмотрению проблемы взаимоотношений разных поколений в семье показывает, что она скорее поставлена, сформулирована, чем исследована и решена. Связь между поколениями, преемственность опыта имеют важнейшее значение, хотя и не всегда осознаются самими членами семьи, детьми и внуками.

1. Андреева Т.В. Психология современной семьи. Монография. — СПб.: Речь, 2005. — 436 с.
2. Краснова О.В. Роль бабушки: Сравнительный анализ // Психология зрелости и старения. — 2000. — № 3.
3. Спиваковская А. С. Как быть родителями. — М.: Академия, 1999.
4. Шаповаленко И.В. Социальная ситуация развития в пожилом возрасте // Психология зрелости и старения. — 1999. — № 6. — С. 34.
5. Шахматов Н.Ф. Психическое старение. — М., 1996.
6. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В. Психология и психотерапия семьи. — СПб.: Изд-во «Питер», 1999. — 656 с.

МАЛЕЙКО ГАЛИНА УСТИНОВНА

кандидат психологическихт наук, доцент, зав. кафедрой естественнонаучных и общепрофессиональных дисциплин Старорусского филиала СПбГУСЭ

ОСОБЕННОСТИ ФРУСТРАЦИОННЫХ РЕАКЦИЙ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА И ПАТРОНАТА

АННОТАЦИЯ. Статья отражает особенности фрустрированности детей-сирот детского дома и патроната в ситуациях, когда они сталкиваются с непреодолимыми препятствиями в достижении своих целей. Отмечается, что большинство сирот (в отличие от благополучных детей) воспринимают неприятности в своей жизни как данность, которой уже нельзя избежать. Помещение ребенка в патронатную семью благотворно сказывается на его самоощущении и поведении: приходит в норму степень адекватности, с которой дети оценивают свои неприятности, несколько повышается степень социальной адаптации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фрустрация, Я-концепция, социальная дезадаптация, материнская депривация, стрессоустойчивость, социальная конформность, интропунитивные реакции, экстрапунитивные реакции, импунитивные реакции.

Известно, что одной из основных задач, стоящих перед воспитателями детских домов, является социальная адаптация детей, оставшихся без попечения родителей, поскольку последние, как правило, выросли в асоциальной, часто криминальной среде. Развитие ребенка в атмосфере враждебности и недоверия обществу накладывает, безусловно, свой негативный отпечаток на психическое состояние и поведение формирующейся личности. Это подтверждают как многочисленные наблюдения воспитателей детских казенных учреждений, так и психолого-педагогические исследования русских и зарубежных авторов.

Сегодняшние публикации о положении дел в отечественных детских домах постоянно обращают внимание на жестокость, грубость и агрессивность их воспитанников. Часто подростки из таких учреждений совершают правонарушения именно на почве агрессивности. Исследователи придерживаются на этот счет различных точек зрения.

Самое простое объяснение — плохая наследственность, врожденность агрессивных реакций. Много примеров этого приводит в своей книге московский психиатр М. И. Буянов. Он описывает случаи, когда фрустрированность детей из детского дома имеет сугубо биологическую природу и по существу должна быть расценена как проявление психического заболевания.

Другие исследователи, акцентируя свое внимание на агрессивности детей-сирот, рассматривают ее как проявление возрастной закономерности, обусловленной половым созреванием. Аргументом против такого объяснения, на наш взгляд, может служить хотя бы то, что агрессивность наблюдается у таких детей задолго до наступления полового созревания.

В некоторых публицистических статьях мы встречались с идеей о том, что агрессией детдомовцы мстят обществу за свою испорченную жизнь, за плохие условия жизни в детском доме и т.п. Чаще, не без основания, приводят в качестве объяснения различные недостатки воспитания: а) воспитатели мало работают над развитием интересов детей, не умеют увлечь их важным делом, мероприятия в детском доме носят формальный характер; б) воспитатели своим поведением провоцируют агрессивность или сами ведут себя агрессивно, подавая плохой пример воспитанникам. Нельзя не согласиться с утверждениями, что нередко сама система воспитания в детских домах, обезличенная и построенная на казарменных принципах, способствует вспышкам детской агрессивности и неадекватности поведения.

Все это, конечно, правильно. Однако, на наш взгляд, за проявлением агрессивности у детей, оставшихся без попечения родителей, лежат и более глубокие, чисто психологические причины.

Наиболее простое и распространенное психологическое объяснение возникновения агрессии у детей-сирот состоит в том, что агрессия есть следствие неудовлетворенности (фрустрированности) потребности в родительской, материнской любви. Некоторые добавляют, что у этих детей не удовлетворены и все другие социальные потребности: в неформальном общении, в самоутверждении, во взрослом как в идеале и т.п. — и именно эта тотальная неудовлетворенность ведет их к социальной дезадаптации, в целом, и к агрессивности, в частности.

Отмеченные моменты, безусловно, верны, но, как нам кажется, в них не прослеживаются конкретные психологические механизмы возникновения и закрепления негативных поведенческих и психических реакций, ведущих к фрустрированности и социальной дезадаптации.

Более детализированное представление о социальной дезадаптации детей, воспитывающихся вне семьи, дает понятие о становлении Я-концепции. Так, английский психолог Р. Бернс, анализируя проблему материнской депривации, пишет: «Можно предположить, что развитие негативной Я-концепции и замкнутой, бесчувственной агрессивной личности является следствием неудач в формировании у ребенка привязанности к родителям или людям, выступающим в роли родителей. У ребенка возникает прежде всего ощущение отторгнутости, заброшенности (которое может не соответствовать реальности), образующее затем основу негативной Я-концепции. Это, в свою очередь, приводит к возникновению напряженности в отношениях с людьми и к уже вполне реальному неприятию индивида. В ходе такого взаимодействия усиливается негативный характер отношения как к самому себе, так и к другим людям. Образ взрослого не ассоциируется у ребенка ни с теплом, ни с любовью, и он не ждет от него подобных проявлений» [1, с. 159].

Р. Бернс подчеркивает, что формирующаяся вследствие материнской депривации Я-концепция часто оказывается полностью лишенной позитивного содержания, и поэтому она крайне уязвима и защищает себя с помощью враждебности к другим людям.

В качестве важной причины возникновения неадекватных реакций отмечаются также дефекты в становлении самоидентичности: неустойчивость, спутанность, противоречивость и неопределенность представления о себе, которое сводится у детей, воспитывающихся без семьи, к зыбкому набору случайных характеристик и может служить как причиной, так и следствием постоянного переживания глубокого эмоционального дискомфорта. У детей, растущих вне семьи, часто отсутствуют способы социального подкрепления представления о собственной ценности, столь важного для нормального развития личности. Такой глубокий эмоциональный дискомфорт, как правило, выливается в агрессию, проявляется у детей-сирот в ощущении гнетущего напряжения, тревожности, отчаяния и гнева, иными словами, приводит их к состоянию фрустрации.

В связи с этим заслуживает внимания исследование особенностей фрустрации детей детских домов г. Москвы, проведенное А. М. Прихожан и Н. Н. Толстых. Полученные ими результаты по тесту С. Розенцвейга (проективный рисуночный тест для изучения поведения личности в стрессовых ситуациях) показывают, что «воспитанники детского дома менее успешны в решении конфликтов в общении со взрослыми и со сверстниками, чем учащиеся обычной школы. Бросается в глаза агрессивность, стремление обвинить окружающих, неумение и нежелание признать свою вину, т.е., по существу, доминирование защитных форм поведения в конфликтных ситуациях и соответственно неспособность конструктивно решить конфликт» [5, с. 159].

При этом данные авторы указывают на узость, ограниченность контактов детей-сирот, с одной стороны, и на высокую интенсивность контактов со сверстниками, — с другой. Кроме того, в детском учреждении ребенок постоянно общается с одной и той же достаточно узкой группой сверстников, причем он сам не властен предпочесть ей другую компанию. Принадлежность к определенной группе сверстников для него как бы безусловна. Это ведет к тому, что отношения между сверстниками складываются не как приятельские, дружеские, а по типу родственных, как между братьями и сестрами.

Конечно, сложившаяся система воспитания детей в казенных условиях интернатных учреждений не отвечает личностным интересам ребенка. Проведенный нами опрос воспитанников детского дома «Надежда» (Новгородская обл., г. Старая Русса) показал, что все дети, живущие в условиях детского дома год и более, мечтают жить в семье. Семья выступает как мощный инструмент психолого-социальной реабилитации, уверенности в себе и завтрашнем дне.

Понимая огромную роль семьи в формировании психического и нравственного здоровья ребенка, коллектив нашего д/дома «Надежда» под руководством Л. И. Кириллова с середины 90-х годов приступил к работе по устройству детей в семьи через усыновление, удочерение, опеку или приемную семью. С 2001 года здесь же впервые в области был организован семейный патронат как одна их форм преодоления материнской депривации у детей-сирот.

Деятельность по формированию патронатной семьи для сироты многопланова. Она включает в себя, помимо юридических вопросов, тренинговую подготовку кандидатов в патронатные воспитатели из местного населения, регулярные встречи детей с их будущими патронатными родителями в выходные и праздничные дни, обязательный подбор каждому воспитаннику детского дома патронатной семьи в каникулярное время. Сложившаяся патронатная семья получает постоянную помощь в воспитании сироты со стороны специалистов детского дома (социально-правовое и медико-психолого-педагогическое сопровождение патронатных семей).

В связи с этим у наших воспитанников отсутствует в чистом виде материнская депривация, описанная Бернстом. Нет и отрицательного семейного взаимодействия между сверстниками (по А. М. Прихожан и Н. Н. Толстых), что должно, на наш взгляд, положительно влиять на психику и поведение ребенка-сироты в социуме.

Изучение особенностей фрустрационных реакций наших воспитанников (по С. Розенцвейгу) показало, что дети детского дома и дети патроната

имеют схожий стиль реагирования в конфликтной ситуации и одинаковый уровень коэффициента групповой адаптации. При этом содержание их реакций в стрессе (типы и профили реагирования) по степени выраженности значительно отличаются от аналогичных у школьников и в классах коррекции, которые наблюдала Л. А. Ясюкова [6, с. 68].

В частности, выраженность интропунитивных, самообвиняющих реакций (показатель I), так же как и фиксация на разрешение ситуации (показатель NP), значительно выше нормы, в то время как у учащихся школ они сохраняются в пределах нормы, а в классах коррекции снижены. При таких особенностях реагирования в конфликте субъект уверен, что он сам является причиной всех своих неудач и неприятностей, **считает себя виноватым**, несмотря на то, что не имел никакого отношения к случившемуся. Он старается как-то **исправить ситуацию**, оказать помощь тем, кто пострадал вместе с ним. Глубокие внутренние переживания и излишние самообвинения при неспособности повлиять на события могут стать причиной депрессивных состояний и невротических расстройств. В сочетании с высоким значением NP реакций, что мы видим у детей-сирот, это означает **активный поиск рационального решения** возникших проблем. Ребенок пытается воздействовать на события и направить их в более приемлемое русло, изменить ситуацию к лучшему. При этом, согласно результатам исследования, наш детдомовец умеет решать свои проблемы самостоятельно (реакций i > e > m). Обычно он долго не раздумывает, не тянет время, не ждет чьей-либо помощи, а **сам принимает решение** и начинает действовать.

Помимо этого, наши дети (особенно проживающие в стенах детского дома) **осмотрительны и осторожны**, интуитивно фиксируют даже незначительные изменения в поведении окружающих людей и обстановке, вовремя замечают возникающие осложнения и склонны реагировать предупредительно, не допуская неприятного развития событий. Кроме того, низкое значение OD (ригидность в стрессе) говорит о том, что наши воспитанники неприятности в своей жизни **воспринимают как данность**, которой уже нельзя избежать, но с которой надо что-то делать. По принципу: «Переживать и плакать бессмысленно, надо реагировать более конструктивно». При этом, в отличие от обычных детей, они умеют достаточно легко переносить возникающие неприятности (ED ниже нормы), то есть обладают **высокой стрессоустойчивостью**. Однако нечувствительность к неприятностям («толстокожесть») часто бывает связана с отсутствием личностной глубины, поверхностью чувств, **излишней самоуверенностью** и **недостаточной самокритичностью** детей-сирот, что подтверждается нашими систематическими наблюдениями и диагностическими опросами по другим методикам.

К тому же для наших воспитанников характерны также очень низкие значения коэффициента групповой адаптации (КГА), что свидетельствует о **плохой социальной конформности** детей-сирот. Они, как правило, не умеют вести себя в обществе, культура речи оставляет желать лучшего. Общие манеры их поведения, реплики и предложения часто вызывают недоумение или осуждение окружающих, кажутся людям странными.

Дальнейший анализ результатов нашего исследования показал, что стиль реагирования в стрессе у наших воспитанников **меняется** в зависимости от времени их проживания в детском доме или в патронате. В связи с этим в обследованной группе детдомовцев мы выделили 3 подгруппы: со временем проживания детей 0,5-1 год; 2-3 года; 4 года и больше, а в группе детей из патронатных семей — 2 подгруппы: со временем проживания в них 0,5-1 год и 2 года.

Сравнение средних значений профилей фрустрации и КГА в подгруппах детдомовцев показало, что при одинаково высоком уровне интропунитивных, самообвиняющих реакций (I = 45%) у данных детей резко падает со временем степень внешнеобвиняющих (E), экстрапунитивных проявлений (от 39% до 23%) и несколько возрастает (от 15% до 22%) уже изначально хорошо выраженная интуиция, осмотрительность и осторожность (показатель M).

При этом к четвертому году проживания у детей-сирот детского дома резко снижается показатель ED (от 29% до 19%), что говорит о том, что дети-старожилы научаются легкомысленно переносить неприятности, перестают принимать их близко к сердцу, «не берут в голову», быстро обо всем забывают, то есть обладают сильным «Я», не требующим защиты. Зато резко возрастает (от 50% до 62%) их способность находить оптимальный выход из возникающих неприятностей (показатель NP) за счет повышения самостоятельности, быстроты и гибкости в ходе приспособления к ситуации.

Похожая картина наблюдается и у детей-сирот, помещенных в патронатные семьи. Чрезвычайно интересно, что выраженность экстрапунитивных, внешнеобвиняющих реакций (E) у детей в первый год проживания в патронате становится близкой к таковой у детей-сирот, находящихся в детском доме тоже не более одного года, но затем ко второму году проживания **резко снижается до уровня детей-старожилов детского дома** (от 34% до 25%). При этом выраженность интропунитивных, самообвиняющих реакций (I) сначала немного падает, а потом снова **возрастает до уровня детей детского дома** (от 42% до 45%). Если в начале у патронатных детей импунитивные реакции (M) по уровню выраженности близки к показателям типичных детдомовцев, то затем они **поднимаются к норме** (от 23% до 29%).

Все это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что, попадая в патронатную семью, ребенок вначале (первый год проживания) **перекладывает** часть своих проблем на новых родителей, активно вовлекает их в заботы о себе, ищет у них совета, помощи и поддержки, не стесняется открыто

проявлять свои эмоции, переживания, что было невозможно, да и не нужно в стенах детского дома. Но уже ко второму году проживания в новой семье он убеждается в том, что его личные проблемы, возрастающие потребности патронатные родители не могут решить в должной мере, и надеяться нужно **больше на себя** (отрицательная динамика показателя Е и положительная — показателя I). В то же время высокая осмотрительность и осторожность, которая была ему свойственна в детском доме, ко второму году проживания в семье снижается и приходит в норму. Он **становится, как и все дети** его возраста, по-ребячьи беспечным, не углубляется в переживания и быстро забывает возникающие неприятности.

Анализ особенностей фрустрации воспитанников патроната по типу реакций в стрессе показал, что свои жизненные неприятности, так же как и детдомовские дети, они **воспринимают как данность**, которой уже нельзя избежать, но с которой надо что-то делать. Они тоже стараются найти **конструктивное решение** возникающих проблем и изменить ситуацию к лучшему. При этом их стрессоустойчивость, нечувствительность к неприятностям (вначале несколько завышенная) ко второму году патроната приходят в норму, превращается в **естественную для обычных детей** чувствительность и впечатлительность. Социальная адаптированность патронатных детей со временем несколько повышается, хотя и остается еще **очень низкой**.

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. — М., 1986.
2. Буянов М.И. Ребенок из неблагополучной семьи. — М., 1988.
3. Красницкая Г.С. и др. Вы решили усыновить ребенка. — М., 2001.
4. Краткий психологический словарь /Под.ред. А.В. Петровского, Г.М. Ярошевского. — М., 1985.
5. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психологический портрет ребенка из детского дома. — М., 2001.
6. Ясюкова Л.А. Фрустрационный тест С.Розенцвейга. Методическое руководство. — СПб., ГП «ИМАТОН», 2002.

ПЛАТОНОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ

соискатель ученой степени кандидата экономических наук кафедры государственного и муниципального управления Высшей школы менеджмента СПбГУ

«СОЦИОПАРК» КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются новые организационные механизмы внедрения инноваций в практику социальной сферы. Суть этих механизмов заключается в создании специальной структуры, объединяющей субъектов социальной сферы и обеспечивающей устойчивые взаимосвязи внутри обширной инновационной социальной инфраструктуры — «Социопарка». Ключевым элементом в этой системе является высшее учебное заведение, обеспечивающее формирование и развитие передовых научных знаний и передачу этих знаний в рамках образовательного процесса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная сфера, социальный кластер, социальные инновации, социальные технологии, социальная инфраструктура, социальный проект.

В течение последних лет в Санкт-Петербурге, как и в России в целом, наблюдается рост потребности в социальном обслуживании, который обусловлен увеличением численности лиц пожилого возраста, усугублением положения людей групп риска, демографическими проблемами, ростом социального неблагополучия. Развитие системы социального обслуживания и удовлетворение возрастающих потребностей в социальных услугах во многом определяются сложившимися экономическими и организационно-правовыми условиями. К числу таких условий можно отнести недостаточно проработанную законодательную базу в области социальной защиты населения, отсутствие системы государственных стандартов и нормативов социального обслуживания и, соответственно, низкий уровень организации контроля за качеством предоставляемых услуг, слабую конкуренцию в сфере социального обслуживания в силу сложившейся модели бюджетного финансирования социальной сферы.

Любые преобразования и реформы, связанные с повышением качества социального обслуживания людей, представляют собой инновационные процессы, которые происходят под воздействием целенаправленных мер по созданию новых общественных институтов и механизмов трансформации традиционной системы социального взаимодействия [2, с. 11]. Основой этого процесса является переориентация государственной политики с адаптивной, приспосабливающейся концепции на активные, проблемно ориентированные подходы в области социального развития. В этих условиях сложившаяся организационная структура учреждений социального обслуживания в городе при определенной эффективности ее работы не является оптимальной и не соответствует требованиям сегодняшнего дня. Одним из важнейших направлений в преобразовании социальной сферы является привлечение некоммерческих организаций к исполнению некоторых социальных функций государства, оказанию социальных услуг. Именно некоммерческий сектор является главным источником инноваций в сфере социальных услуг и социальной защиты населения. Большинство новых методов и технологий были внедрены через негосударственные организации и впоследствии нашли воплощение в работе государственных учреждений. Стимулирование развития третьего сектора, создание большего числа некоммерческих организаций, поощрение конкурентных начал в осуществлении социального обслуживания населения должно являться приоритетным в государственной социальной политике. Можно выделить три основные цели такого подхода:

- повышение доступности и качества предоставляемых социальных услуг, максимальное удолетворение спроса на социальные услуги со стороны населения;
- увеличение занятости в сфере социального обслуживания;
- оптимизация и экономия бюджетных расходов, связанных с обеспечением социальной сферы.

Использование социальных инноваций, на которых основана работа большинства некоммерческих организаций, связано, прежде всего, с разработкой и внедрением социальных технологий. Социальные технологии представляют собой важнейшие инструменты устойчивого развития общества и являются средством рационализации и оптимизации функционирования социума